

- ¹¹ Фокина О. Н. Литературная история "Повести о бражнике" и проблемы народной книги. Новосибирск, 1995.
- ¹² Веселовский А. Нерешенные, нерешительные и безразличные дантовского ада // ЖМНП. 1888. Ноябрь. С. 87–116; Он же. Очерки истории романа, новеллы, народной книги и сказки. СПб., 1883. С. 192.
- ¹³ Фокина О. Н. Литературная история "Повести о бражнике" и проблемы народной книги. Новосибирск, 1995. С. 61–87.
- ¹⁴ Фокина О. Н. Мотив обретения рая в немецкой и русской литературе XVI–XVII вв. // Книга и литература: Сб. науч. статей НГУ и ГПНТБ СО РАН. Новосибирск, 1997. С. 237–249.
- ¹⁵ Адрианова-Перетц В. П. Указ. соч. С. 214–215.
- ¹⁶ Фокина О. Н. Литературная история "Повести о бражнике"... С. 75–86.
- ¹⁷ Там же. С. 29.
- ¹⁸ Фокина О. Н. Литературная история "Повести о бражнике"..... С. 56.
- ¹⁹ Демкова Н. С. Указ. соч. С. 236.
- ²⁰ Там же. С. 237.
- ²¹ Там же. С. 238.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. С. 241.
- ²⁴ Адрианова-Перетц В. П. Указ. соч. С. 156.

В. А. Козьмин, И. В. Семенов, А. Ю. Чистяков

**УСТНАЯ ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ XX ВЕКА
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ**

Устная история является новым направлением в исторических исследованиях, возникшим в результате осознания недостатков письменных источников, не отражающих многие исторические факты повседневной жизни людей, а также отношение общества и отдельного индивида к тем или иным событиям прошлого. Зачастую история, "написанная" учеными на основе письменных документов, способна отразить лишь общие тенденции и закономерности. Изучение истории на микроуровне – через призму сознания реальных людей, делает возможным формирование нового взгляда на закономерности исторического процесса. Как отмечал автор теоретического труда "Устная история. Голос прошлого" П. Томас, "в некоторых областях устная история позволяет не только изменить угол зрения, но и открыть новые важные направления для исследования"¹. На западе, начиная с 1970-х гг., ученые широко используют методы устной истории

при изучении социальных процессов в городе и селе, истории семьи, истории отдельных предприятий и т.п.

В нашей стране устная история начала развиваться в последнее десятилетие (работы, посвященные "истории повседневности" или отдельным историческим событиям)². В результате социально-политических перемен конца 1980-х – начала 1990-х гг. и открытия ранее засекреченных архивов отечественные исследователи получили доступ к многочисленным документам по новейшей истории России. Первоначально сложилась видимость возможности изучения истории только на основании документальных источников. Но в настоящее время перед историком встает проблема поиска новых источников, так как становится все более очевидной неполноценность архивных материалов. До сих пор остается малоизученным, как отразились ключевые события российской истории на жизни людей, как воспринимали их сами жители, как трансформировались их культура, повседневный быт в периоды социальных потрясений, которыми изобиловала история нашей страны в XX в.

Традиционно в нашей стране в сфере устной истории работают этнографы. Особенностью отечественной этнографии всегда являлся ее историзм (в отличие от западной традиции, где этнологические исследования всегда были ближе социологии). Именно этнографы изучают историю крестьянства, его современное состояние, развитие различных этнических общностей в городской и сельской среде³.

В 2004 г. коллектив сотрудников кафедры этнографии и антропологии исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета приступил к осуществлению проекта "Устная история деревни Европейской России". Проект предполагает исследование восприятия общественным сознанием социальных потрясений XX в.: революция 1917 г. и Гражданская война, коллективизация и индустриализация, вторая мировая война, реформы Н. С. Хрущева, перестройка и демократические реформы. Материалы интервью жителей деревень Европейской России, как родившихся на ее территории, так и приехавших сюда в разные годы, станут основным источником по реконструкции истории региона последнего столетия.

Основным методом исследования является интервью по единой программе, в которую входят лишь опорные вопросы. Основная часть информации будет собираться методом открытого интервью-беседы с опрашиваемым, что позволит в большей степени раскрыть индивидуальное отношение информантов к тем

или иным историческим событиям. Одновременно планируется и комплексный анализ архивных источников, мемуарной литературы, региональной периодической печати. Использование данных источников позволит дополнить сведения, полученные при интервью. Например, определить точную датировку события, поскольку информанты часто затрудняются привести ее в рассказе, ограничиваясь общими указаниями. При оценке материалов интервью также следует учитывать их субъективность, обусловленную самой природой человеческой памяти, воспитанием и мировоззрением информантов, возможным нежеланием в полной мере правдиво осветить те или иные события своей биографии.

Интервью проводились летом 2004 г. в ходе полевых исследований на территории Ленинградской, Псковской, Смоленской областей. На примере этих регионов планируется выявить, как в разных условиях (географических, социально-экономических, культурных, этнических) происходили одни и те же исторические события.

В настоящее время исследовательский коллектив обладает уже некоторыми материалами по устной истории деревни, которые собирались в ходе этнографических экспедиций вместе с разного рода сведениями по традиционной и современной культуре села.

Например, сведения о жизни в годы Великой Отечественной войны были собраны в западных районах Ленинградской области, которые находились в оккупации с августа 1941 г. по январь 1944 г. (Кингисеппский, Волосовский, Гатчинский районы). Кроме того, отдельные интервью были проведены с жителями территорий, контролировавшихся советскими войсками: Ломоносовский (Ораниенбаумский плацдарм), Всеволожский районы. Опрашивались представители различных этнических общностей: русские, ингерманландские финны, ижоры, воль. Хотя специальная задача получения информации о войне прямо не ставилась, однако практически в каждом интервью приводились факты, касающиеся этой темы.

Воспоминания о собственно боевых действиях в основном касаются периода отступления Советских войск из населенных пунктов, являвшихся железнодорожными узлами (например, ст. Котлы), также авианалетов летом 1941 г., разрушений и жертв, ими причиненных. Поскольку отступление немецких войск в 1944 г. сопровождалось принудительным уводом населения на запад, рассказы о боях зимы 1944 г. фиксируются зна-

чительно реже. На первый план рассказы о военных действиях выступают у жителей прифронтовой полосы, сталкивавшихся с опасностью погибнуть практически ежедневно (например, деревни на Ораниенбаумском плацдарме).

В интервью выявляется дифференцированное отношение к оккупантам, среди которых информанты выделяют несколько этнических групп. Преобладают отрицательные отзывы о подразделениях, сформированных из эстонцев и русских, которых обвиняют в жестокости и грабежах; прямо противоположны отзывы об испанцах (250-я пехотная дивизия вермахта). В целом нейтральными выступают этнические немцы. Представители иных национальностей, участвовавших в битве под Ленинградом (норвежцы, голландцы, бельгийцы и др.), в интервью не упоминались.

Большинство рассказов посвящено проблеме выживания в тяжелых экономических условиях оккупации, контакты с оккупантами в них представляются вынужденными, но относительно спокойными. Рассказы о репрессиях в отношении мирного населения до конца 1943 г. немногочисленны и касаются тех мест, где действовали партизаны и подпольщики. Кроме того, на зверствах оккупантов акцентировали внимание прежде всего лица с более высоким образовательным уровнем (среднее специальное, высшее образование), зачастую много лет жившие в городах, либо не сменившие место жительства, но не являвшиеся рядовыми работниками колхозов и совхозов.

Особый блок информации составляют рассказы о принудительных миграциях во время войны. В марте 1942 г. финны, проживавшие на территории Всеволожского и Ломоносовского районов, были "принудительно эвакуированы" в Сибирь. Финноязычное население (финны, ижоры, водь) оккупированных территорий в 1943 г. было вывезено в Финляндию. Возвращение в СССР произошло в начале 1945 г., однако вплоть до середины 1950-х гг. существовали ограничения на расселение финнов в Ленинграде и области. События 1940-х гг., приведшие в дальнейшем к рассеянию традиционно проживавших на западе Ленинградской области ингерманландских финнов (финнов-инкери) по ряду регионов России, Финляндии и Эстонии, стали важнейшим составляющим элементом исторической памяти этой этнической общности. В последнее десятилетие воспоминания о депортации неоднократно публиковались и стали уже частью письменной истории этой этнической общности.

Русские оккупированных территорий также подверглись утону

на запад в конце 1943 — начале 1944 г. Многие оказались в Прибалтике, где трудились на хуторах; часть местных жителей была вывезена на работы в Германию. Одна информантка оказалась даже во Франции, где участвовала в строительстве оборонительных сооружений Атлантического вала. Соответственно, сама жизнь на чужбине и различные приключения во время дороги домой в 1945 г. присутствуют во всех рассказах. Впоследствии информанты русской национальности из числа лиц, находившихся на оккупированной территории или за границей, репрессиям не подвергались.

Память о войне поддерживалась в последующие десятилетия средствами массовой информации, среди которых значительную роль играла местная пресса. Тем не менее, в ходе интервью информанты ориентировались, в первую очередь, на свой жизненный опыт, указывая на несовпадения пережитого ими с официальными версиями локальной военной истории. Полевые исследования показали важность передачи воспоминаний о событиях военного времени при формировании исторической памяти современного населения региона.

¹ Томас П. Устная история. Голос прошлого. М., 2003.

² См., например: Витухновская М. На корме времени: Интервью с ленинградцами 1930-х годов. СПб., 2000; Воронина Т. Ю., Гусинцева И. Е., Календарова В. В. Блокада глазами очевидцев: Интервью с жителями Ленинграда 1940-х гг. // Нестор. СПб.; Кишинев; Париж, 2003. № 6.

³ См., например: Рефлексивное крестьяноведение. М., 2002; Конструирование этничности: Этнические общины Санкт-Петербурга. СПб., 1998; Хабенская Е. О. Татары о татарском. М., 2003.

А. З. Винников, В. И. Дынин, С. П. Толкачева

**ЛОКАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ
В СОСТАВЕ ЮЖНОРУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ВОРОНЕЖСКОГО КРАЯ**

Обширность этнической территории русских обусловила наличие множества этнографических и субэтнических групп в составе русского народа, каждая из которых имеет свои специфические особенности в языке (говоре) и традиционно-бытовой культуре. Население Воронежского края в прошлом разделялось на несколько локально-этнических (этнотерриториальных), этносо-